

Роман Толмачев

Арк 1: Аврора

МЕЖЗВЁЗДНЫЙ АРХИПЕЛАГ

Роман Толмачев

Арк 1: Аврора

<https://litres.ru/73989893>

SelfPub; 2026

Аннотация

Корабль-ковчег «Аврора» летит к звёздам уже 123 года. Для миллионов людей это единственный дом, а для молодого биоинженера Михаила Ларина — лишь промежуточная остановка на пути к мечте.

Михаил готовится к первой в истории экспедиции терраформинга: его работа — создавать организмы, которые однажды оживят мёртвую планету. Но путь к отлёту оказывается куда сложнее, чем он думал. За строгими экзаменами и подготовкой скрываются политические интриги между секторами Арка, старые провалы засекреченных проектов и вопросы о прошлом, на которые никто не хочет отвечать.

Когда из архива приходит послание от прадеда, записанное в первые годы полёта, Михаил понимает: он — не просто участник экспедиции, а часть цепочки поколений, тянущейся от Земли к новым мирам.

«Запас в два градуса» — твёрдая научная фантастика о мечте, ответственности и цене будущего, которого ты сам, возможно, не увидишь.

Содержание

Главы	4
Пролог. За десять секунд до конца	4
Глава 1. После бури	22
Глава 2. Арк «Аврора»	38
Глава 4. Команда	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Роман Толмачев

Арк 1: Аврора

Главы

Пролог. За десять секунд до конца

Пот стекал по виску, но Михаил не мог поднять руку, чтобы его вытереть. Все десять пальцев танцевали над голографической панелью управления, а глаза метались между семью — нет, уже восемью — красными индикаторами на тактической сфере, окружавшей его кресло.

— Разгерметизация в секторе четыре-дельта, — бесстрастно сообщил голос корабельного ИИ. — Потеря давления: четырнадцать процентов и растёт.

— Аварийные переборки четыре-дельта, закрыть! — Михаил ткнул в мерцающую зону на карте. — Перенаправить резервный воздух из магистрали семь.

— Выполняю. Внимание: магистраль семь питает медицинский блок.

— Медблок переключить на магистраль одиннадцать. Приоритет — сохранение жилого сектора.

Три новых касания. Красный индикатор четыре-дельта

мигнул и стал оранжевым. Не решено, но стабилизировано.

Михаил позволил себе один короткий вдох — и в этот момент взвыла ещё одна сирена.

— Критический перегрев охлаждающего контура реактора номер два, — голос ИИ оставался таким же ровным, словно объявлял время обеда. — Температура активной зоны: три тысячи четыреста градусов и растёт. Критический порог: четыре тысячи.

— Второй реактор? — Михаил почувствовал, как холодок пробежал по позвоночнику. — Почему не первый? Каскадный сбой от четыре-дельта?

— Подтверждаю. Разгерметизация повредила резервную охлаждающую магистраль реактора два.

Он закрыл глаза на долю секунды. В голове выстроилась схема корабля — не плоская карта, а трёхмерная модель, которую он изучал пять лет. Сектор четыре-дельта. Магистрالی. Реактор. Связи. Зависимости.

— Аварийный сброс охладителя из резерва три напрямую в контур реактора два, — скомандовал он. — Обойти повреждённый участок через технический туннель Джи-семь.

— Невозможно. Туннель Джи-семь заблокирован в результате пожара в третьем секторе восьмого радианта.

— Какого ещё пожара?!

— Пожар в секторе три-восемь возник тридцать четыре секунды назад. Автоматические системы пожаротушения не активировались из-за повреждения управляющего контура.

Огонь распространяется.

На тактической сфере вспыхнул новый алый цветок. Михаил смотрел, как красное пятно ползёт по схеме, пожирая коридор за коридором.

— Ручная активация пожаротушения в три-восемь!

— Требуется подтверждение. Ручная активация приведёт к сбросу давления в смежных секторах.

— Каких именно?

— Три-семь, три-девять и частично — жилой массив «Рассвет».

Тысяча двести человек в «Рассвете». Михаил сжал зубы.

— Эвакуация «Рассвета» — статус?

— Эвакуация невозможна. Аварийные коридоры проходят через сектор четыре-дельта.

Который он только что заблокировал.

Несколько секунд Михаил просто смотрел на сферу. Красные и оранжевые пятна расползались, как инфекция. Реактор грелся. Пожар распространялся. Люди в «Рассвете» оказались в ловушке из-за его собственного приказа.

Он ошибся. Он выбрал спасти давление в четыре-дельта — и отрезал эвакуационный маршрут.

— Арк, — сказал он медленно, — открыть переборки четыре-дельта. Отменить мой предыдущий приказ.

— Выполняю. Внимание: разгерметизация четыре-дельта возобновится.

— Знаю.

Красный индикатор снова загорелся. Давление падало. Но теперь на экране появились зелёные точки — люди из «Рассвета» двигались к эвакуационным шлюзам.

— Сколько до критического давления в четыре-дельта?

— Девяносто секунд до необратимых повреждений инфраструктуры.

Девяносто секунд на эвакуацию, потом снова закрыть. Если успеют. Если он успеет.

— Статус реактора два?

— Температура: три тысячи семьсот градусов. До критического порога — восемьдесят секунд.

Всё совпадало. И ничего не работало.

Михаил откинулся в кресле и посмотрел на тактическую сферу целиком. Хватит тушить пожары по одному. Нужно решение для всей системы.

— Арк, — сказал он, — смоделируй следующий сценарий. Принудительная вентиляция сектора три-восемь в открытый космос. Через аварийный шлюз.

— Моделирую. Результат: пожар будет потушен из-за отсутствия кислорода. Побочный эффект: взрывная декомпрессия затронет коридоры три-семь и три-девять. Потенциальные жертвы: до пятидесяти человек в смежных зонах.

Пятьдесят человек. Против тысячи двухсот в «Рассвете». Против целого реактора.

— Эвакуация три-семь и три-девять — сколько времени?

— Сорок секунд при текущей скорости движения персо-

нала.

— А до критической точки реактора?

— Семьдесят пять секунд.

Значит, есть окно. Крошечное, но есть.

— Объявить эвакуацию три-семь и три-девять. Немедленно. Обратный отсчёт сорок секунд, после чего — принудительная вентиляция три-восемь.

— Выполняю. Обратный отсчёт активирован.

— Одновременно — охлаждающий контур реактора два.

Есть альтернативный маршрут через...

Он замолчал, лихорадочно листая схемы. Туннель Джи-семь заблокирован пожаром. Но если пожар исчезнет через сорок секунд...

— Арк, после вентиляции три-восемь туннель Джи-семь станет проходимым?

— Подтверждаю. Но температура в туннеле останется критической для органики в течение... — пауза, — десяти минут.

— Для органики. А для охладителя?

Молчание. Потом:

— Охладитель может быть направлен через туннель Джи-семь через девяносто секунд после вентиляции.

— А реактор взорвётся через семьдесят пять.

— Подтверждаю.

Пятнадцать секунд разницы. Пятнадцать секунд — и весь Арк превратится в облако раскалённого газа.

Михаил закрыл глаза.

Думай. Думай. Думай.

Охлаждающий контур. Реактор. Семьдесят пять секунд.

Охладитель нельзя подать напрямую — туннель слишком горячий. Но охладитель — это что? Жидкость. Которая поглощает тепло.

Которая поглощает тепло.

Он открыл глаза.

— Арк. Можно направить охладитель через туннель Джисемь немедленно — до того, как температура туннеля снизится?

— Охладитель испарится.

— Частично испарится. Сколько дойдёт до реактора?

Пауза. Обработка.

— При немедленной подаче максимального объёма — около тридцати процентов охладила достигнет контура реактора два.

— Тридцать процентов достаточно?

— Тридцать процентов снизит температуру активной зоны на... шестьсот градусов. Недостаточно для выхода из критической зоны.

— А если подать в два раза больше?

— Резервы охладила ограничены. Подача двойного объёма истощит запас для реактора один.

Реактор один работал штатно. Пока работал. Оставить его без резервного охлаждения — значит рисковать повторени-

ем кризиса через час, день, неделю.

— Но прямо сейчас реактор один в порядке?

— Подтверждаю.

— Тогда подать двойной объём на реактор два. Немедленно. Через туннель Джи-семь.

— Внимание: это оставит реактор один без резервного охлаждения.

— Я понял. Выполняй.

— Выполняю.

На тактической сфере появилась синяя линия — охладитель, текущий по туннелю. Часть линии тут же стала пунктирной — испарение. Но остаток тёк дальше.

— Обратный отсчёт вентиляции три-восемь: двадцать секунд, — сообщил ИИ. — Эвакуация смежных секторов: завершена на восемьдесят семь процентов.

Восемьдесят семь. Тринадцать процентов людей ещё внутри.

— Кто не успел?

— Семнадцать человек в коридоре три-семь-альфа. Мобильность ограничена: медицинская группа с оборудованием.

Медицинская группа. Носилки, аппаратура, пациент.

— Отменить вентиляцию?

Михаил посмотрел на индикатор реактора. Температура: три тысячи восемьсот пятьдесят.

— Арк, если я отменю вентиляцию, пожар распростра-

нится?

— Подтверждаю. Пожар достигнет топливных хранилищ сектора три-девять через... сорок секунд.

Топливные хранилища. Взрыв. Десятки тысяч погибших. Семнадцать человек против десятков тысяч.

Он не имел права делать этот выбор. Никто не имел права. И всё равно кто-то должен был его сделать.

— Арк, — голос Михаила дрогнул, но он заставил его звучать ровно. — Продолжить вентиляцию по графику.

— Подтверждаю. Обратный отсчёт: пятнадцать секунд.

Семнадцать зелёных точек на экране. Они двигались — медленно, слишком медленно, — к выходу из сектора.

— Двенадцать секунд.

Ещё пять метров. Четыре. Три.

— Восемь секунд.

Точки пересекли границу сектора. Все семнадцать.

Михаил выдохнул.

— Вентиляция.

Часть сферы на мгновение стала ослепительно белой — визуализация взрывной декомпрессии. Потом — чернота. Пустота. Огонь исчез.

Теперь реактор.

— Статус охлаждения реактора два?

— Охладитель достиг контура. Температура активной зоны: три тысячи девятьсот... три тысячи восемьсот... три тысячи семьсот.

Падает.

— Статус четыре-дельта?

— Эвакуация завершена. Готов закрыть переборки.

— Закрывай.

Оранжевый индикатор. Не красный.

Михаил смотрел на сферу. Красных пятен становилось меньше. Оранжевые переходили в жёлтые. Система стабилизировалась.

Но ИИ снова заговорил.

— Внимание: обнаружена новая критическая ситуация.

Нет. Не сейчас.

— Какая?

— Экстренное перенаправление воздуха из магистрали семь привело к падению давления в медицинском блоке. Системы жизнеобеспечения реанимационного отделения... — пауза, — переходят в аварийный режим.

Михаил вспомнил: медблок переключить на магистраль одиннадцать. Это был его приказ. Три минуты назад.

— Магистраль одиннадцать — статус?

— Магистраль одиннадцать функционирует в штатном режиме.

— Тогда почему...

— Переключение требовало ручного подтверждения персонала медблока. Подтверждение не получено. Персонал эвакуирован в рамках общей тревоги.

Он отправил их в эвакуацию. И они не успели переключо-

читать магистраль. И теперь реанимация без воздуха.

— Сколько пациентов в реанимации?

— Четыре.

— Сколько времени до...

— До необратимых последствий для систем жизнеобеспечения: десять секунд.

Десять секунд. И он понятия не имел, что делать.

— Арк, автоматическое переключение магистрали одиннадцатая — возможно?

— Невозможно. Требуется физический доступ к распределительному узлу.

— Где узел?

— Технический коридор медблока-альфа.

— Там есть кто-то?

— Отрицательно. Персонал эвакуирован.

Восемь секунд.

Михаил стиснул подлокотники кресла. Четыре человека умирали прямо сейчас, и он ничего не мог сделать с мостика.

Семь секунд.

Или мог?

— Арк, в техническом коридоре есть ремонтные дроны?

— Один дрон серии РМ-4. Статус: активен.

— Дрон может переключить магистраль?

— Дроны серии РМ-4 предназначены для простых операций. Переключение магистрали — операция средней сложности.

— Он справится или нет?!

— Вероятность успеха: шестьдесят два процента.

Пять секунд.

— Отправить дрона. Немедленно.

— Выполняю.

Михаил смотрел на крошечную жёлтую точку, ползущую по схеме медблока. Так медленно. Невыносимо медленно.

— Три секунды.

Точка достигла узла.

— Два секунды.

— Дрон инициировал переключение.

— Одна секунда.

Пауза.

Михаил не дышал.

— Переключение завершено, — сообщил ИИ. — Магистраль одиннадцать подключена к медицинскому блоку. Системы жизнеобеспечения реанимации стабилизируются.

Он выдохнул так резко, что закружилась голова.

— Статус пациентов?

— Четыре пациента. Состояние стабильное.

Живы. Все живы.

Михаил откинулся в кресле, чувствуя, как его всё ещё трясёт. Tактическая сфера вокруг него мерцала жёлтым и зелёным — кризис отступал.

И именно в этот момент дверь мостика с грохотом распахнулась.

— Стой!

Михаил обернулся. В дверях стоял капитан Северов — высокий, седовласый, с лицом, высеченным из камня. Глаза — холодные, серые — смотрели прямо на Михаила.

— Что ты делаешь? — голос капитана был низким, но в нём звенела сталь.

— Управляю кризисом, — Михаил не понимал вопроса. — В чём...

— Реактор два. — Северов шагнул вперёд. — Ты направил туда весь резервный охладитель через раскалённый туннель.

— Да, и это сработало.

— А если бы не сработало? Ты понимаешь, что мог активировать выброс кислорода? Охладитель при таких температурах частично разлагается, выделяет кислород, и если бы в туннеле оставались очаги горения...

Михаил похолодел. Об этом он не подумал.

— ...ты бы буквально накачал кислород в реакторный отсек, — продолжал Северов, надвигаясь. — Через систему охлаждения. Прямо в сердце реактора. Ты понимаешь, что ты нас всех чуть не убил?

Голос ИИ разрезал воздух:

— До необратимых последствий и гибели станции осталось десять секунд.

Михаил развернулся к сфере.

— Что?!

— Обнаружен вторичный очаг возгорания в туннеле Джи-семь. Кислород из разложившегося охладителя вступил в контакт с остаточным топливом.

— Девять секунд.

Огонь. В охлаждающей магистрали. Которая ведёт к реактору.

Капитан был прав. Он всех убил.

— Восемь секунд.

Михаил лихорадочно искал решение. Перекрыть магистраль — нет, реактор останется без охлаждения. Залить туннель водой — нет, вода тоже разложится на кислород и водород. Вакуумировать туннель — нет, охладитель перестанет течь.

— Семь секунд.

— Убери его с мостика! — крикнул Северов кому-то за спиной. — Он не...

— Стоять! — рявкнул Михаил, не оборачиваясь. Его пальцы метались по панели. — Арк, инертный газ в туннель Джи-семь — есть доступ?

— Подтверждаю. Резерв аргона в секторе технического обслуживания.

— Шесть секунд.

— Закачать аргон в Джи-семь! Максимальное давление!

— Внимание: это вытеснит кислород, но также остановит поток охладителя.

— На сколько?

— На одиннадцать секунд.

— Пять секунд.

Одиннадцать секунд без охлаждения. Реактор нагреется, но не успеет достичь критической точки. Если он правильно помнил теплоёмкость.

— Арк, реактор выдержит одиннадцать секунд без охлаждения?

— Температура повысится до трёх тысяч девятисот девяноста восьми. Критический порог: четыре тысячи. Запас: два градуса.

— Четыре секунды.

Два градуса. Ничтожный запас. Одна флуктуация — и всё.

— Закачивать аргон!

— Три секунды. Выполняю.

Северов схватил его за плечо:

— Ты не понимаешь, что делаешь! Если...

Михаил стряхнул его руку. Не глядя. Не думая.

— Вон отсюда! — Его голос сорвался на крик. — Охрана, уберите постороннего с мостика!

— Две секунды.

Северов замер. Лицо его окаменело.

— Арк, продолжай исполнять мой приказ! — Михаил впился взглядом в сферу. — Статус туннеля?

— Аргон поступает. Огонь... — пауза, — потушен.

— Одна секунда.

Синяя линия охладителя на экране мигнула и исчезла.

Поток остановился.

Температура реактора: три тысячи восемьсот семьдесят.

Три тысячи девятьсот.

Три тысячи девятьсот пятьдесят.

— Ноль секунд.

Три тысячи девятьсот восемьдесят.

Михаил не дышал.

Три тысячи девятьсот девяносто пять.

Пауза.

Три тысячи девятьсот девяносто восемь.

Две секунды прошло. Три. Четыре.

— Возобновление подачи охладителя, — сообщил ИИ. —

Аргон вытеснен. Температура стабилизируется.

Три тысячи девятьсот девяносто.

Три тысячи девятьсот сорок.

Три тысячи девятьсот.

Падает.

— Авария устранена, — голос ИИ звучал так же бесстрастно, как всегда. — Кораблю ничего не угрожает.

Михаил резко вскинул руки вверх — произвольный, почти детский жест победы. Сердце колотилось так, что казалось, его слышно во всём мостике. Он повернул голову к капитану, готовый... он сам не знал, к чему. К похвале? К ругани?

Северов стоял неподвижно. Его лицо не выражало ничего. Глаза — холодные, оценивающие — смотрели на Михаила,

как на лабораторный образец.

А потом сверху раздался шум.

Михаил поднял голову — и только сейчас заметил галерею, опоясывающую мостик. Там стояли люди. Десятки людей. Они смотрели на него — и аплодировали.

Аплодировали.

Он медленно опустил руки. Посмотрел на капитана. Посмотрел на галерею. Посмотрел на тактическую сферу, которая мерцала спокойным зелёным светом.

Симуляция.

Это была симуляция.

Он знал это с самого начала. Знал, что сидит в тренировочном модуле, что за ним наблюдают экзаменаторы, что никакого реального кризиса нет. Но где-то в процессе — может, когда семнадцать точек бежали к границе сектора, или когда дрон полз к распределительному узлу, или когда температура реактора поднималась к отметке «три тысячи девятьсот девяносто восемь» — он забыл.

Всё стало настоящим.

И теперь, выныривая из этого кошмара, он чувствовал себя так, словно действительно только что спас два миллиона жизней.

Или чуть их не угробил.

Капитан Северов сделал шаг вперёд. Аплодисменты на галерее стихли.

— Интересное решение с аргоном, — сказал он негромко.

— В стандартных учебниках его нет.

Михаил не знал, комплимент это или обвинение.

— Оно сработало.

— Сработало, — согласился Северов. — С запасом в два градуса. Два градуса от гибели всех.

— Но...

— Ты рявкнул на старшего офицера. На капитана. — Голос Северова стал жёстче. — Приказал охране вывести меня с мостика. В бою за такое — трибунал.

Михаил почувствовал, как кровь отливает от лица. Он открыл рот, чтобы объяснить, извиниться, сказать хоть что-то — но Северов поднял руку.

— Это была проверка. Не только на технику. На всё. — Он помолчал. — Ты прошёл.

Снова аплодисменты. Громче, чем раньше.

Северов повернулся к галерее и поднял голос:

— Это был последний кандидат. Команда терраформирующей экспедиции — сформирована.

Гул голосов. Радостные крики. Кто-то свистнул.

Михаил стоял в центре тренировочного мостика, мокрый от пота, с дрожащими руками и гудящей головой. Он должен был радоваться. Он прошёл. Он получил то, о чём мечтал с детства.

Но вместо радости он чувствовал странную пустоту — и взгляд капитана Северова, тяжёлый, непроницаемый, который всё ещё ощущал на себе, даже отвернувшись.

Что-то в этом взгляде говорило: это не конец.
Это только начало.

Глава 1. После бури

Пальцы не слушались.

Михаил смотрел на застёжку сенсорного костюма и не мог понять, почему такое простое действие — отщёлкнуть три зажима — требует столько усилий. Руки тряслись мелкой дрожью, словно он только что пробежал весь тор по кругу. Восемь километров. Без остановки.

— Давай помогу.

Кирилл возник рядом — большой, спокойный, с неизменно растрёпанными волосами. Его собственный костюм уже висел на крючке, аккуратно сложенный. Как он успел? Михаил моргнул, пытаясь вспомнить, когда Кирилл вообще вошёл в раздевалку.

— Я сам, — он дёрнул застёжку слишком резко, и зажим больно впился в ладонь. — Чёрт.

— Ага, вижу. Сам.

Кирилл мягко отстранил его руки и расщёлкнул зажимы — раз, два, три. Быстро, без усилий. Костюм ослаб, и Михаил наконец смог вздохнуть полной грудью. Он не заметил, как сильно давила ткань.

— Спасибо, — выдавил он.

— Не за что. Я после своего испытания полчаса сидел в углу и смотрел в стену. Так что ты ещё молодцом.

Михаил стянул верхнюю часть костюма и бросил на ска-

мью. Под ним была стандартная нательная майка — мокрая насквозь, хоть выжимай. Он и не думал, что так потел. В симуляции время летело иначе: каждая секунда растягивалась в вечность, когда ты смотришь на обратный отсчёт, и схлопывалась в миг, когда нужно принять решение.

— Сколько времени прошло? — спросил он.

— Внутри?

— Да.

— Сорок семь минут.

Михаил уставился на него:

— Сорок семь?

— Угу. Рекордсмен. У меня было тридцать две. У Лины — двадцать восемь. Марек продержался сорок одну, но потом слил реактор.

— Слил?

— Ну, в симуляции. Решил, что справится без аварийного протокола. Не справился. Бабах.

Кирилл изобразил руками взрыв и сделал соответствующий звук. Получилось почти весело, если забыть, что в реальности это означало бы гибель двух миллионов человек.

— Я чуть не слил, — тихо сказал Михаил.

— Знаю. Смотрел.

— Все смотрели.

— Да Все смотрели

Михаил опустил на скамью рядом с костюмом и уронил голову в ладони. Сердце всё ещё колотилось, хотя прошло

уже... сколько? Десять минут с момента, как погасла тактическая сфера и зажёгся обычный свет?

Он вспомнил лицо капитана Северова. Каменное. Холодные серые глаза, которые смотрели на него так, словно оценивали товар на рынке.

«Ты рявкнул на старшего офицера. В бою за такое — трибунал».

— Кирилл.

— М?

— Я накричал на капитана.

— Я слышал.

— Приказал охране вывести его с мостика.

— Это тоже слышал. И видел. И все видели. И записали.

И, вероятно, будут показывать на вечеринках следующие лет двадцать.

Михаил поднял голову:

— Это не смешно.

— Немного смешно. — Кирилл сел рядом, скамья скрипнула под его весом. — Ладно, не смешно. Но и не так страшно, как ты думаешь.

— Я послал капитана. Северова. Ответственного за подготовку всей экспедиции.

— Ты послал помеху во время кризиса. Это часть теста.

— Часть теста?

— Миша, — Кирилл повернулся к нему, — ты серьёзно думаешь, что капитан случайно ворвался на мостик в кри-

тический момент? Что это совпадение?

Михаил открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Я... не подумал об этом.

— Потому что ты был занят спасением корабля. В этом и смысл. Они хотели посмотреть, как ты реагируешь на давление. Не только техническое, но и человеческое. Кто-то вмешивается, отвлекает, подвергает сомнению твои решения — а у тебя три секунды до взрыва.

Михаил вспомнил: «Шесть секунд... Пять секунд...» Голос ИИ, отсчитывающий мгновения до гибели. Лицо Северова, его слова о кислороде в реакторном отсеке. И собственный крик: «Вон отсюда!»

— Но всё равно, — сказал он. — Капитан... он не выглядел довольным.

— Северов никогда не выглядит довольным. Я три года на «Авроре», ни разу не видел, чтобы он улыбался.

— Он улыбался. На галерее, когда объявлял результаты.

— Это не улыбка. Это мимическая судорога. У него мышцы лица атрофировались от неиспользования.

Михаил невольно фыркнул. Потом спохватился:

— Это неуважение к командиру.

— Это честное медицинское наблюдение. — Кирилл встал и протянул ему руку. — Давай. Хватит киснуть. Ты прошёл. Ты в команде. Остальное — шум.

Михаил посмотрел на протянутую ладонь. Потом на своего друга — широкоплечего, уверенного, с этой его способ-

ностью делать любую ситуацию чуть менее серьёзной.

Он взял руку и поднялся.

— Ты правда думаешь, что это была часть теста? — спросил он. — Северов на мостике?

Кирилл пожал плечами:

— Думаю, да. Но даже если нет... — он помолчал, подбирая слова, — ты всё равно рисковал. Накричать на капитана — это не то, что забывается. Северов такое помнит.

— Ты только что говорил, что это не страшно.

— Не страшно сейчас. Ты прошёл, тебя взяли. Но на будущее... — Кирилл похлопал его по плечу, — может, стоит поработать над фильтром между мозгом и ртом. На всякий случай.

Михаил хотел возразить, но понял, что нечего. Кирилл был прав. Он знал это ещё в момент, когда слова вылетели. Просто в тот момент ему было всё равно. Три секунды до взрыва — и какой-то седой человек пытается его остановить.

— Это было от волнения, — сказал он наконец. — Я не хотел... я просто...

— Я знаю. — Кирилл кивнул. — Давай, одевайся. Пойдём поедим. Ты, наверное, не заметил, но последние четыре часа ничего не ел.

Михаил моргнул:

— Четыре часа?

— Подготовка к симуляции, инструктаж, сама симуляция, разбор. Время летит, когда спасаешь воображаемые жизни.

Желудок отозвался громким урчанием — предательски громким. Кирилл ухмыльнулся:

— Вот видишь. Организм согласен.

Столовая сектора «Восход» располагалась на третьем уровне жилого кольца, в той части тора, которую старожилы называли «солнечной стороной». Название было условным — никакого солнца здесь, конечно, не было, — но световые панели над этим сектором программировались на более тёплый спектр, имитируя предвечерний свет.

Михаил любил это место. Особенно сейчас, когда основная масса людей ещё работала и столовая была почти пуста. Он мог сесть у панорамного окна и смотреть наружу.

Окно было изогнутым, следуя контуру внешней стенки тора, и выходило не в космос, а на внутреннюю поверхность соседнего сегмента. Но если смотреть под правильным углом, в щель между конструкциями был виден краешек звёздного поля — россыпь далёких огней, медленно ползущих слева направо по мере вращения тора.

Когда-то, ещё ребёнком, Михаил мог часами сидеть здесь и считать звёзды. Потом он узнал, что большинство из них — не звёзды вовсе, а далёкие галактики, и что некоторые из этих огоньков погасли миллионы лет назад, а свет от них всё ещё летит. Это знание не уменьшило очарования. Скорее наоборот.

— Ты что будешь? — голос Кирилла вырвал его из созер-

цания.

Михаил посмотрел на экран заказа. Стандартное меню: протеиновые смеси с разными вкусовыми профилями, овощное рагу из гидропонных овощей, рисовые блюда, суп дня.

— Что-нибудь, — сказал он. — Всё равно.

— «Что-нибудь всё равно» — отличный выбор. Сегодня особенно хорошо.

Кирилл заказал за них обоих — два рисовых блюда с овощами и что-то, названное «мясным рагу», хотя все знали, что мясо было культивированным, выращенным из клеток в биореакторах. Настоящего мяса на Арке не было уже три поколения.

Они сели у окна. Михаил автоматически взял вилку и начал есть, не чувствуя вкуса. Рис был как рис. Овощи были как овощи. Рагу было как рагу. Его разум всё ещё был там, на мостике, среди красных индикаторов и обратного отсчёта.

— Три тысячи девятьсот девяносто восемь градусов, — сказал он вслух.

Кирилл поднял бровь:

— Что?

— Температура активной зоны. В пике. Критический порог — четыре тысячи. Я дошёл до трёх тысяч девятьсот девяноста восьми.

— Два градуса запаса.

— Два. — Михаил покачал головой. — Это ничто. Одна

флуктуация, один всплеск — и всё.

— Но флуктуации не было.

— В этот раз не было. А если бы была?

Кирилл перестал есть и внимательно посмотрел на него:

— Ты сейчас занимаешься бессмысленным самобичеванием, ты в курсе?

— Я анализирую.

— Ты накручиваешь себя. Симуляция закончилась. Ты победил. Точка.

— Я победил с запасом в два градуса. Это не победа, это случайность.

— Нет. — Кирилл покачал головой. — Это расчёт. Ты знал теплоёмкость реактора? Знал. Ты рассчитал время без охлаждения? Рассчитал. Ты принял решение на основе данных, и оно сработало. То, что запас оказался маленьким, не делает решение неверным.

Михаил хотел возразить, но в этот момент входная дверь столовой с шипением отъехала в сторону, и внутрь влетела маленькая фигурка.

— Миша!

Он едва успел отставить вилку, прежде чем Аня врезалась в его стул, едва не опрокинув. Косички подпрыгнули, карие глаза сияли так, словно внутри них зажгли по маленькому солнцу.

— Ты прошёл! — выпалила она. — Ты прошёл, правда? Мама сказала, что ты прошёл! Ты летишь на планету!

— Аня, — Михаил невольно улыбнулся, — откуда ты узнала?

— Все узнали! В школе объявили! Сказали, что команда сформирована, и назвали имена, и твоё имя было там, и я закричала, и учитель сказал, что нельзя кричать на уроке, но все всё равно кричали, потому что это же планета!

Она выпалила всё это на одном дыхании и теперь стояла, переминаясь с ноги на ногу, словно не могла усидеть на месте.

— Можно я сяду? — спросила она, уже садясь на свободный стул рядом с Михаилом. — Я не буду мешать. Я просто хочу знать. Всё знать. Как это было? Правда, что там был пожар? И реактор почти взорвался? И ты спас всех?

— Это была симуляция, — сказал Михаил. — Не по-настоящему.

— Я знаю! Но ты всё равно спас. В симуляции.

— Технически, да.

— А это правда, что ты накричал на капитана Северова?

Михаил поперхнулся. Кирилл, который в этот момент пил воду, закашлялся так, что брызги полетели на стол.

— Откуда... — начал Михаил.

— Марина сказала. Её брат работает в техническом секторе, и он слышал от кого-то, кто слышал от охранника, который был на галерее. Говорят, ты сказал капитану «вон отсюда» и приказал охране его вывести!

— Это... — Михаил замялся. — Это было в контексте.

— В каком контексте?

— В контексте спасения корабля.

— Но ты всё равно накричал на капитана! — Аня сказала это с таким восторгом, словно речь шла о героическом подвиге. — Никто никогда не кричит на капитана Северова! Он же страшный!

— Он не страшный, — сказал Михаил. — Он строгий. Это разные вещи.

— Мама говорит, что он страшный. Она видела его один раз в коридоре и сказала, что он посмотрел на неё так, что она чуть не уронила ящик с рассадой.

— Твоя мама преувеличивает.

— Нет. Она вообще никогда не преувеличивает. Она говорит, что преувеличение — это трата слов.

Кирилл, справившийся с кашлем, вытер рот салфеткой:

— Мудрая женщина. Кстати, мелкая, ты разве не должна быть на уроках?

— Уроки закончились! — Аня посмотрела на него с вызовом. — И я не мелкая. Мне почти одиннадцать.

— Тогда почти извини.

Она фыркнула, но тут же переключила внимание обратно на Михаила:

— Так ты правда летишь?

Михаил посмотрел в её сияющие глаза. «Летишь». Такое простое слово. Такое огромное значение.

— Правда, — сказал он, и впервые за этот безумный

день почувствовал, как внутри что-то потеплело. — Команда сформирована. Я в ней.

— И ты будешь делать планету зелёной?

— Когда-нибудь. Это долгий процесс.

— Сколько долгий?

— Сотни лет.

Аня нахмурилась, переваривая это.

— Но тебя тогда уже не будет, — сказала она наконец. —

Ты не увидишь.

— Не увижу.

— Тогда зачем?

Михаил открыл рот, чтобы ответить, но Кирилл его опередил:

— Потому что кто-то должен начать. Иначе никто никогда не закончит.

Аня посмотрела на него, потом снова на Михаила.

— Это... — она помолчала, подбирая слово, — грустно.

— Нет, — сказал Михаил. — Это наоборот. Это значит, что то, что я сделаю, будет жить дольше меня. Намного дольше. Понимаешь?

Она задумалась. Михаил видел, как в её голове крутятся шестерёнки — почти буквально, так сосредоточенно она морщила лоб.

— Как... — она щёлкнула пальцами, — как истории! Люди умирают, а истории остаются. Мы в школе читали про первых капитанов Арка. Их нет давно-давно, а мы всё равно

знаем их имена.

— Точно. Как истории.

Аня просияла:

— Тогда ты будешь как история! Через много-много лет дети на той планете будут в школе читать: «Михаил Ларин посадил первые бактерии».

— Первые бактерии, — Кирилл хмыкнул. — Звучит как-то не очень героически.

— Бактерии важны! — Аня надулась. — Без них ничего не вырастет. Миша рассказывал.

— Когда это я... — начал Михаил, но потом вспомнил. — А, в прошлый раз. В оранжерее.

— Ага. Ты говорил, что бактерии делают почву, а без почвы не будет деревьев, а без деревьев не будет кислорода, а без кислорода не будет людей.

— У тебя хорошая память.

— У меня отличная память, — поправила Аня с достоинством. — Учитель говорит, что я запоминаю слишком много ненужного и слишком мало нужного. Но я думаю, что он просто не понимает, что нужно.

Кирилл рассмеялся — громко, искренне. Михаил тоже улыбнулся. Напряжение, которое он носил в плечах последние часы, понемногу отпускало. Рядом с Аней было невозможно оставаться мрачным. Она была как маленький генератор света — постоянно работающий, непрерывно источающий яркие лучи энергии.

— Ладно, — сказала Аня, вскакивая. — Мне пора. Мама будет ругаться, если я опоздаю. Но я ещё приду! И ты мне расскажешь всё-всё-всё, ладно? Про планету, и про терраформинг, и про бактерии, и вообще!

— Ладно, — согласился Михаил.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она одарила его ослепительной улыбкой и умчалась к выходу так же стремительно, как появилась. Её косички подпрыгивали в такт шагам.

Михаил смотрел ей вслед, пока дверь не закрылась.

— Хороший ребёнок, — сказал Кирилл.

— Да.

— Она на тебя смотрит как на героя. Ты в курсе?

— Она на всех так смотрит.

— Нет. — Кирилл покачал головой. — На меня она смотрит как на «того высокого, который рядом с Мишей». На тебя — как на человека, который полетит делать новую планету. Это разные взгляды.

Михаил не ответил. Он снова смотрел в окно, на медленно ползущие звёзды.

Новая планета. Тераформинг. Миссия длиной в века.

Он прошёл испытание. Он в команде.

Так почему внутри всё ещё сидит этот холодок — маленький, но не желающий растаять?

Вечером, в своей каюте, Михаил долго не мог заснуть.

Каюта была маленькой — стандартные шесть квадратных метров для одиночки без семьи. Койка, откидной стол, узкий шкаф, крошечный санузел за раздвижной перегородкой. На стене — голографическая панель, сейчас погашенная. На полке над койкой — несколько личных вещей: старая книга (настоящая, бумажная, доставшаяся от деда), модель цианобактерии, которую он сделал ещё в школе, и маленький камень с номером 2847-A-17 — образец породы с астероида, подарок от матери на шестнадцатилетие.

Михаил лежал, глядя в потолок. В полумраке каюты мягко светились аварийные индикаторы — зелёные огоньки, показывающие, что все системы работают нормально. Воздух, вода, давление, температура. Всё в порядке. Всё всегда в порядке, пока ты на Арке.

Он закрыл глаза и попытался представить другое небо. Не потолок каюты. Не искусственное «небо» тора со световыми панелями. Настоящее небо. Открытое. Бесконечное.

Планета, к которой они летели, была пока просто набором данных: масса, радиус, расстояние до звезды, состав атмосферы, температурный режим. Числа и графики. Но где-то там, за сотнями миллионов километров, она существовала по-настоящему. Холодная. Мёртвая. Ждущая.

И он будет тем, кто её разбудит.

Сон не шёл. Мысли крутились по кругу: симуляция, капитан, взгляд Северова, «два градуса запаса», «ты рявкнул

на старшего офицера».

Михаил сел на койке и включил планшет. Экран осветил каюту голубоватым светом.

Он открыл личный дневник — привычка, которую завёл ещё в подростковом возрасте, когда психолог сектора посоветовал «выгружать мысли», чтобы они не крутились в голове по ночам.

Пальцы зависли над клавиатурой.

Что написать?

«Я прошёл испытание»? Слишком сухо.

«Сегодня я чуть не убил два миллиона человек»? Слишком драматично. И неправда — это была симуляция.

«Капитан Северов смотрел на меня, и я не понял, что он думает»? Ближе к истине, но звучит как параноидальный бред.

Михаил начал печатать:

«Прошёл финальное испытание.

Накричал на капитана. Не специально — от напряжения. Но взгляд у него был такой, будто он это запомнил.

Аня спросила, зачем лететь, если не увидишь результата. Хороший вопрос для человека, который только что получил всё, о чём мечтал.

Я в команде. И всё равно нервничаю.»

Сохранил. Выключил планшет.

В темноте мягко светились только зелёные индикаторы систем.

Когда-то он смотрел в школьном классе на голограмму далёкой планеты и думал: «Я хочу туда».

Теперь это была уже не детская мысль, а маршрут его жизни.

Глава 2. Арк «Аврора»

Сигнал пробуждения начинался с едва заметного изменения света.

Михаил ещё не открыл глаза, но уже чувствовал: темнота за веками становилась мягче, теплее. Потолочные панели каюты медленно переходили от чёрного к глубокому синему, потом к фиолетовому, потом к розовато-оранжевому — имитация рассвета, которого никто из живущих на Арке никогда не видел по-настоящему. Параллельно со светом нарастал звук: тихий, почти неразличимый гул, похожий на отдалённое пение птиц. Тоже имитация. Тоже из записей, которым было больше ста лет.

Браслет на запястье завибрировал — мягко, настойчиво.

Михаил открыл глаза.

Шесть ноль-ноль по корабельному времени. Первый рабочий день после испытания. Первый день в новом статусе — официального члена экспедиции терраформинга.

Он лежал несколько секунд, глядя на потолок, который теперь светился тёплым жёлтым, как солнце на старых фотографиях. Вчерашний день казался одновременно очень близким и странно далёким: симуляция, капитан, Аня с её вопросами, запись в дневнике перед сном. Всё это было — но теперь начиналось что-то новое.

Он сел на койке, и мир на мгновение качнулся.

Не по-настоящему — это была вестибулярная иллюзия, которую врачи называли «утренней рекалибровкой». После нескольких часов неподвижности мозгу требовалось время, чтобы заново привыкнуть к искусственной гравитации. Дети, родившиеся на Арке, почти не замечали этого эффекта. Михаил тоже родился здесь, но сегодня почему-то ощутил его острее обычного.

Нервы, подумал он. Или возбуждение. Или и то, и другое. Он встал, прошёл три шага до санузла — больше в каюте идти было некуда — и включил душ.

Вода полилась сразу, без задержки. Тёплая, с лёгким минеральным привкусом, который появлялся после многократной переработки. На Арке не было «новой» воды — вся она циркулировала в замкнутой системе уже больше века, проходя через фильтры, биореакторы, установки обратного осмоса. Каждая капля, касавшаяся его кожи, когда-то была частью облака, потом — частью реки, потом — частью чьего-то тела. Потом — частью системы очистки. И снова — водой.

Три минуты. Стандартная норма. Таймер на стене отсчитывал секунды, и Михаил привычно уложился в лимит — закрыл кран за четыре секунды до сигнала.

Он вышел из душа, вытерся, оделся. Комбинезон биологического сектора — серо-зелёный, с нашивкой Республики Солнца на левом плече: золотое солнце на синем фоне. На правом — личный идентификатор: ЛАРИН М.А., 2826-RS-0472. Двадцать один год жизни, пять лет в профессии —

всё сжато в несколько букв и цифр.

На Земле, судя по архивам, люди учились до двадцати пяти, иногда до тридцати. На «Авроре» такой роскоши не было — ресурсы не позволяли. Михаил выбрал биоинженерию в четырнадцать — в тот самый день, когда решил, что детская мечта о далёкой планете станет профессией. Начал практику у Тамариной в шестнадцать, а к двадцати одному году уже два года руководил собственным проектом.

Он посмотрел на себя в маленькое зеркало над раковиной. Тёмные волосы, ещё влажные. Серые глаза с лёгкими кругами от недосыпа. Обычное лицо обычного человека.

Который через месяц покинет свой единственный в жизни дом и отправится создавать новый мир.

Михаил усмехнулся своему отражению, подхватил рабочий планшет и вышел в коридор.

Коридор жилого сектора «Рассвет» просыпался.

В шесть утра он ещё не был заполнен людьми — основная волна начиналась ближе к семи, — но уже чувствовалось движение. Двери кают открывались и закрывались. Слышались голоса, шаги, иногда — детский смех из семейных секций дальше по коридору.

Михаил шёл к лифтовой станции, привычно огибая знакомые повороты.

Коридор был узким — два человека могли разойтись, но без особого комфорта. Стены покрывали светло-серые панели с едва заметным рисунком, имитирующим текстуру нату-

рального камня. Под ногами — упругое покрытие, поглощающее звук шагов. Над головой — плавно изогнутый потолок со встроенными световыми полосами, сейчас настроенными на утренний режим: тёплый, но не слишком яркий.

Каждые двадцать метров — информационные панели. Сейчас на них мелькали утренние новости: прогноз активности систем, расписание культурных мероприятий, объявления о вакансиях в разных секторах. Михаил скользнул взглядом по заголовкам и остановился на одном:

«КОМАНДА ТЕРРАФОРМИНГА СФОРМИРОВАНА. 120 СПЕЦИАЛИСТОВ НАЧИНАЮТ ПОДГОТОВКУ.»

Под заголовком — список имён. Он нашёл своё: Ларин М.А., биоинженерия. Рядом — маленькая пиктограмма Республики Солнца.

Странное чувство — видеть собственное имя в официальном объявлении. Как будто кто-то другой, а не он, прошёл вчера испытание. Как будто этот «Ларин М.А.» существовал отдельно от Михаила, который сейчас стоял в коридоре и смотрел на экран.

— Доброе утро, Михаил.

Он обернулся. Марта Ивановна — пожилая женщина с тележкой, работавшая в распределительном центре — смотрела на него с улыбкой.

— Доброе утро.

— Видела твоё имя в списке. — Она кивнула на экран. — Поздравляю. Мать-то знает уже?

— Я ей вчера написал.

— Представляю, как она там сейчас всем рассказывает.

— Марта Ивановна усмехнулась. — Помню, как она хвасталась, когда тебя приняли в биологический. А теперь — тераформинг.

Михаил невольно улыбнулся. Мать работала в медицинском секторе, на другом конце тора, и действительно имела привычку рассказывать коллегам о его успехах. Иногда это смущало. Но сейчас почему-то было приятно представить.

— Передавайте ей привет, если увидите раньше меня, — сказал он.

— Передам.

Марта Ивановна покатила тележку дальше. Михаил смотрел ей вслед — маленькой фигуре в сером комбинезоне, которая каждое утро в пять тридцать выходила из своей каюты, чтобы развозить что-то по коридорам. Он не знал, что именно. Никогда не спрашивал. Просто видел её каждый день уже столько лет, что привык, как привыкают к части пейзажа.

Через месяц он больше не увидит Марту Ивановну. Никогда.

Эта мысль была странной. Не грустной — просто странной. Как будто он только сейчас начал понимать, что «улететь» означает не просто сменить место работы.

Михаил ещё раз глянул на экран со своей фамилией в списке и продолжил путь к лифту.

Лифтовая станция располагалась в конце коридора —

небольшой зал с четырьмя кабинами, уходящими вверх и вниз сквозь толщу тора.

«Вверх» и «вниз» здесь были условными понятиями. На самом деле кабины двигались радиально: от внешней стенки внутри тора, где центробежная сила создавала максимальную «гравитацию», к внутренней поверхности ближе к оси вращения, где она падала почти до нуля. Но человеческий разум упорно переводил всё в привычные термины. Внешняя стенка внутри тора = низ. Ось тора = верх. Так было проще.

Михаил вызвал кабину. Двери открылись почти сразу — в это время очереди ещё не было.

— Биологический сектор, — сказал он, входя. — Лаборатория терраформинга.

— Принято, — ответил мягкий голос системы. — Время в пути: четыре минуты двенадцать секунд. Текущая загрузка маршрута: семь процентов. Приятной поездки.

Кабина плавно тронулась.

Первые секунды ничего не менялось. Потом Михаил почувствовал, как тело становится легче — едва заметно, но ощутимо. Это был эффект подъёма к оси тора: чем ближе к центру вращения, тем слабее центробежная сила. На полпути гравитация уже составляла около половины «земной». На оси — практически ноль.

Он держался за поручень и смотрел в окно кабины.

Окно было изогнутым, следуя форме лифтовой шахты,

и выходило на внутреннее пространство тора. То, что открывалось за стеклом, никогда не переставало поражать — сколько бы раз ты ни видел это.

Тор «Авроры» — один из четырёх, составлявших материк, — имел восемь километров в диаметре. Если представить его в разрезе, он выглядел как полая труба, изогнутая в кольцо. Люди жили вдоль округлой стены внутри этой трубы — той, что дальше всего от оси вращения. «Пол» изгибался вверх в обе стороны, и если посмотреть достаточно далеко, можно было увидеть, как он поднимается, поднимается — и смыкается над головой.

Сейчас, по мере того как кабина поднималась, Михаил видел всё больше.

Жилые кварталы — ряды одинаковых дверей, перемежающихся небольшими площадями с искусственными деревьями и скамейками. Промышленная зона — массивные конструкции, из которых тянулись трубы и кабели. Сельскохозяйственный сектор — вертикальные фермы, уходящие на сотни метров, ярко-зелёные под искусственным светом.

И «небо».

«Небо» тора было не сверху — оно было вокруг. Световые панели, имитирующие солнце, располагались вдоль центральной оси. Сейчас, утром, они светились мягким жёлтым. К полудню станут ярче, белее. К вечеру — снова потеплеют, потом погаснут, уступая место «ночному режиму» с россыпью искусственных звёзд.

Всё это — имитация. Но за сто лет полёта поколения, родившиеся на Арке, привыкли к ней настолько, что она стала реальностью. Для Михаила не было «настоящего» неба, с которым можно было бы сравнить. Было только это — изогнутая панорама дома, медленно вращающегося в пустоте.

Кабина остановилась.

— Биологический сектор, — объявила система. — Уровень гравитации: ноль целых семь десятых от стандартного. Пожалуйста, соблюдайте осторожность при выходе. Желаю продуктивного дня.

Михаил вышел — и сразу почувствовал разницу.

Ноль-семь g. Это означало, что он весил примерно на треть меньше обычного. Первый шаг получился слишком длинным — ноги оттолкнулись с привычной силой, а сопротивление было меньше. Он качнулся, выровнялся, сделал второй шаг осторожнее.

Три года работы в этом секторе приучили его к перепадам гравитации. Но после вчерашнего стресса тело реагировало чуть медленнее обычного. Или это была усталость. Или волнение. Михаил не стал разбираться — просто пошёл дальше, сосредоточившись на шагах.

Биологический сектор располагался ближе к оси тора не случайно.

Пониженная гравитация имела свои преимущества для некоторых исследований. Культуры клеток росли быстрее. Некоторые химические реакции протекали иначе. А главное

— здесь было больше пространства. Ближе к оси «потолок» был выше, «пол» — шире. Можно было строить лаборатории с большими помещениями, не экономя каждый кубический метр.

Коридоры здесь были шире, чем в жилом секторе. Потолки — выше. На стенах, вместо информационных панелей, висели голографические экраны с изображениями экосистем: тропические леса, коралловые рифы, горные луга. Всё — из архивов Земли. Записи, которым было больше ста лет.

Михаил шёл мимо знакомых дверей.

«Генетика растений» — здесь работала команда, которая выводила новые сорта сельскохозяйственных культур. «Микробиология» — исследования бактерий и вирусов, важных для здоровья экосистемы Арка. «Экология замкнутых систем» — те, кто следил за тем, чтобы вся биосфера корабля оставалась в балансе.

Его дверь была в конце коридора.

«Лаборатория терраформинга».

Золотые буквы на тёмном фоне. Под ними — эмблема: схематичное изображение планеты, на которой проросло дерево. Та же эмблема, что была на объявлении в коридоре. Та же эмблема, что скоро станет символом его жизни.

Михаил приложил ладонь к сканеру. Дверь с тихим шипением отъехала в сторону.

Лаборатория была большой — по меркам Арка, где каж-

дый квадратный метр на счету.

Помещение занимало около трёхсот квадратных метров: несколько рабочих станций, отгороженных полупрозрачными перегородками, ряды инкубаторов вдоль стен, стерильный бокс в дальнем углу, общий стол для совещаний в центре. Потолок здесь был высоким — метров пять, — и это создавало ощущение простора, которого Михаил не чувствовал почти нигде на Арке.

В это время — без четверти семь — лаборатория была почти пуста. Только за одной из станций светился экран, и над ним виднелась знакомая фигура.

Доктор Елена Тамарина не оглянулась, когда он вошёл. Она стояла спиной к двери, склонившись над каким-то прибором, и её пальцы быстро двигались по сенсорной панели.

— Ларин, — сказала она, не поворачиваясь. — Раньше времени.

— На пятнадцать минут.

— Я заметила.

Она наконец обернулась. Пятьдесят пять лет, коротко стриженные седые волосы, взгляд, способный заставить замолчать любого. На переносице — очки в тонкой оправе, которые были ей не нужны: зрение Тамариной было идеальным. Но она носила их всегда, и никто не знал зачем. Некоторые говорили — для авторитета. Некоторые — по привычке. Михаил подозревал, что ей просто нравилось смотреть на людей поверх оправы.

— Как спал? — спросила она.

— Нормально.

— Врёшь.

Михаил не стал спорить. Тамарина видела людей насквозь — это была одна из причин, почему она руководила лабораторией уже двадцать лет.

— Плохо спал, — признал он. — Много думал.

— О чём?

— О том, что будет дальше.

Тамарина кивнула — медленно, словно он сказал что-то важное.

— Нормальная реакция. — Она сняла очки, протёрла их полой халата. — Ты только что получил то, о чём мечтал. Теперь начинаешь понимать, что это значит.

— И что это значит?

— Работу. — Она надела очки обратно. — Много работы. Начиная с сегодняшнего дня.

Тамарина развернулась к своей станции и что-то набрала на панели. Экран перед Михаилом — его рабочий экран — ожил.

— Текущие культуры, — сказала она. — Проверка всех инкубаторов, запись параметров, корректировка режимов по необходимости. Потом — инвентаризация хранилища. Потом — отчёт по проекту «Штамм-7». К полудню.

Михаил посмотрел на список задач. Рутинная. Обычная рутинная, которую он выполнял последние три года.

— Это... — он замялся. — Я думал, будет что-то другое. Связанное с подготовкой к экспедиции.

— Подготовка к экспедиции — это и есть твоя работа, — сказала Тамарина. — Ты выращиваешь организмы, которые полетят на планету. Какая разница, делаешь ты это как «кандидат» или как «член экспедиции»?

— Никакой, — признал Михаил после паузы.

— Вот именно. — Она посмотрела на него поверх очков. — Первый урок, Ларин. Мечта — это хорошо. Но мечта не делает работу за тебя. Ты прошёл испытание — отлично. Теперь докажи, что заслужил место не только быстрыми решениями под давлением, но и терпением в рутине.

— Понял.

— Хорошо. — Она кивнула на инкубаторы. — Приступай. Следующие три часа Михаил провёл так, как проводил тысячи часов до этого.

Проверка инкубаторов.

Их было шесть — прозрачных цилиндров высотой в человеческий рост, внутри которых поддерживались строго контролируемые условия. Температура, влажность, давление, состав атмосферы, освещение — всё регулировалось с точностью до сотых долей. И в каждом цилиндре жили миллиарды крошечных существ.

Михаил останавливался у каждого инкубатора, сверял показания с нормой, делал записи.

Инкубатор 1: *Synechocystis* sp. PCC 6803, модифици-

рованный штамм. Температура: 28.2°C (норма 28.0±0.5). Влажность: 85%. рН: 7.4. Статус: стабильный.

Инкубатор 2: *Chroococcidiopsis thermalis*, дикий тип с усиленной UV-защитой. Температура: 35.1°C. Статус: стабильный.

Инкубатор 3...

Рутинка. Монотонная, повторяющаяся, требующая внимания к деталям, но не требующая творчества. Михаил любил эту работу — по-своему. Она успокаивала. Давала ощущение контроля. Каждая цифра имела значение. Каждое отклонение могло означать проблему. Каждая запись становилась частью базы данных, которая когда-нибудь поможет понять, что сработало, а что нет.

Он остановился у инкубатора 4 и замер.

Что-то было не так.

На первый взгляд — всё в порядке. Показатели в норме. Культура — стандартный штамм цианобактерий, ничего особенного. Но Михаил провёл три года, глядя на эти цилиндры каждый день, и научился замечать вещи, которые не отражались в цифрах.

Цвет.

Культура была немного темнее, чем должна была быть. Не критично — едва заметно. Но цианобактерии имели характерный сине-зелёный оттенок, который менялся в зависимости от состояния. Слишком зелёный — недостаток азота. Слишком синий — стресс от освещения. Слишком тём-

ный...

Михаил открыл детальные логи.

Прокрутил назад. Сравнил показатели за последние три дня.

Там.

Освещение. Два дня назад — кратковременное падение интенсивности. Всего на три процента. Всего на двадцать минут. Автоматика зарегистрировала, скорректировала, вернула в норму. Всё штатно.

Но культура запомнила.

Цианобактерии реагировали на свет сложнее, чем просто «есть» или «нет». Они адаптировались. Двадцать минут пониженного освещения — и клетки начали вырабатывать дополнительные пигменты, чтобы захватить больше света. Отсюда — потемнение. Процесс нормальный, но если не учесть его в будущих измерениях, данные будут искажены.

Михаил сделал пометку в логе наблюдения за изучаемой партией культуры в инкубаторе: «Штамм-7, день 47: адаптивная реакция на кратковременное снижение освещённости (96.7% нормы, 20 мин). Рекомендация: учесть в базовых показателях для следующей партии.»

Мелочь. Одна строчка в логе. Но именно такие строчки когда-нибудь станут основой для решений на планете. Когда они будут засеивать реальные озёра реальными бактериями, они должны будут знать, как те бактерии реагируют на колебания света. Каждая мелочь важна.

Он закончил с инкубаторами к десяти утра.

В обеденный перерыв Михаил не пошёл в столовую.

Вместо этого он взял рационный паёк из автомата в коридоре биологического сектора — стандартный брикет с протеином и углеводами, не вкусный, но питательный — и отправился гулять.

Ему нужно было подумать. Или, точнее, ему нужно было не думать. Позволить мыслям течь свободно, пока ноги несут куда-то.

Он вышел из биологического сектора через южный выход и оказался на одной из радиальных «улиц» тора — широком коридоре, идущем от оси к дальней стенке. Гравитация здесь была всё ещё пониженной — около $0.7g$, — но по мере спуска будет нарастать.

Михаил шёл, жуя брикет и глядя по сторонам.

Мимо проходили люди. Много людей. В комбинезонах разных цветов: серо-зелёных, как у него (биология), синих (инженерия), оранжевых (техническое обслуживание), белых (медицина), коричневых (сельское хозяйство). Каждый цвет — отдельная профессия, отдельная роль в механизме, который назывался «Арк».

Он прошёл мимо школы — за стеклянной стеной было видно, как дети сидят за столами, слушая учителя. Один мальчик повернул голову и посмотрел прямо на Михаила. Секунду они смотрели друг на друга — взрослый и ребёнок, разделённые стеклом. Потом мальчик отвернулся.

Через сколько лет он вырастет? Чем будет заниматься? Захочет ли он тоже улететь — или предпочтёт остаться на Арке, в безопасности, в рутине?

Михаил не знал. И не мог знать. Это было странное чувство — осознавать, что существуют миллионы вопросов, на которые он никогда не получит ответа.

Он продолжил путь.

Гравитация нарастала. 0.8g. 0.9g. К тому времени, как он дошёл до парковой зоны, она была почти нормальной — 0.95g, как в жилом секторе.

Парк.

Это было одно из немногих мест на Арке, где росли настоящие деревья в настоящей почве. Не гидропонные культуры, не вертикальные фермы — настоящий лес в миниатюре. Около гектара живой зелени, втиснутой в металлическую оболочку космического корабля.

Михаил вошёл под кроны и остановился.

Запах.

Это был первое, что замечал каждый, кто входил в парк. Запах земли, листьев, влаги, чего-то живого и древнего. Запах, который нельзя было синтезировать или имитировать. Запах, который говорил мозгу: «Здесь безопасно. Здесь — дом.»

Михаил сел на скамейку под дубом — или тем, что называли дубом, хотя это был генетический гибрид, адаптированный к условиям Арка.

Листья шелестели над головой. Лёгкий ветер — искусственный, создаваемый вентиляционной системой — перебирал их с тихим шорохом.

Он сидел и думал.

Он достал планшет и открыл карту Арка.

Материк «Аврора». Четыре тора, связанных центральной осью. Сорок пять километров длины. Два миллиона человек.

Он увеличил масштаб. Тор номер один — Республика Солнца. Его дом. Шестьсот тысяч человек в пространстве, которое на карте выглядело как небольшой бублик.

Уменьшил масштаб. Увидел остальные три тора: Федерация Равнин, Корпоративный Анклав, Вольные Порты. Четыре государства — или четыре города, или четыре района одного огромного города. Зависит от того, как смотреть.

Уменьшил ещё. Увидел «Аврору» целиком — крошечную точку на фоне бесконечного чёрного.

Где-то там, далеко впереди по курсу, была планета. Пока безымянная. Пока холодная и мёртвая.

Пока.

Он вернулся в лабораторию к двум часам.

Тамарина уже ушла — оставила записку на его рабочей станции. «Отчёт по штамму-7 — до завтра. Брифинг для новых членов экспедиции, завтра в 09:00, конференц-зал 3.»

Михаил сел за стол и начал писать отчёт.

Штамм-7 был одним из его проектов — модифицирован-

ная цианобактерия с повышенной устойчивостью к ультрафиолетовому излучению. Идея была простой: на ранних этапах терраформинга озонового слоя не будет. UV-излучение будет жёстким. Обычные фотосинтетики погибнут. Нужны были бактерии, способные выжить в таких условиях.

Он работал над штаммом-7 уже полтора года. Взял базовую цианобактерию, встроил в неё гены репарации ДНК от *Deinococcus radiodurans* — бактерии, знаменитой своей способностью выдерживать дозы радиации, смертельные для любого другого организма. Добавил дополнительные пигменты-экраны. Протестировал в условиях, имитирующих атмосферу планеты.

Результаты были... обнадеживающими. Не идеальными, но обнадеживающими.

Штамм-7 выживал при уровнях UV, которые убивали обычные культуры за часы. Выживал и продолжал фотосинтезировать. Медленнее, чем в нормальных условиях, но стабильно.

Михаил писал отчёт, погружаясь в привычный ритм: данные, анализ, выводы, рекомендации. Графики, таблицы, ссылки на предыдущие исследования. Язык науки — точный, сухой, лишённый эмоций.

Но за каждой цифрой стояла мечта.

Эти бактерии — крошечные, невидимые глазу — когда-нибудь будут плавать в озёрах далёкой планеты. Будут поглощать солнечный свет чужой звезды. Будут выделять

кислород, который через столетия станет частью атмосферы, пригодной для дыхания.

И официальная история появления бактерий Штамма-7 для всех непосвящённых в ранние стадии исследования, начнётся с этого отчёта. С этих данных. С этой работы, которую он делал сегодня, в обычный рабочий день, в обычной лаборатории обычного космического корабля.

Рутина. Самая важная рутина в истории.

Он закончил отчёт к шести вечера.

Тамарина так и не вернулась. Лаборатория постепенно опустела — коллеги уходили домой, кивая ему на прощание. Михаил остался один среди инкубаторов, тихо гудящих в полумраке.

Он сохранил отчёт, выключил рабочую станцию и встал.

Тело ныло — не от физической усталости, а от напряжения. День был обычным, но что-то в нём было другим. Может быть, осознание того, что каждый такой день теперь — шаг к чему-то большему.

Михаил прошёл мимо инкубаторов, привычно скользя взглядом по показателям. Всё в норме. Миллиарды крошечных существ жили своей жизнью, не зная, что их ждёт.

У двери он остановился и обернулся.

Лаборатория. Его дом последние три года. Место, где он провёл тысячи часов, участь, работая, ошибаясь, исправляя ошибки.

Но то, что он создал здесь, — полетит с ним.

Михаил выключил свет и вышел в коридор.

Он шёл домой другим маршрутом — через смотровую галерею на дальней стороне тора.

Это был длинный коридор со сплошной стеклянной стеной, выходящей прямо в космос. Обычно здесь было пусто — большинство жителей Арка не любили смотреть в пустоту. Она напоминала о том, насколько они хрупки, насколько тонкая стена отделяет их от бесконечного ничто.

Михаил остановился у окна.

Звёзды.

Просто светили — миллионы неподвижных точек на бесконечном чёрном.

Где-то среди них была их цель. Звезда, вокруг которой вращалась планета, которую они собирались преобразить. Отсюда её не было видно — слишком тусклая, слишком далёкая. Но она существовала. И с каждым днём Арк приближался к ней.

Михаил стоял, глядя на звёзды, и чувствовал спокойствие — непривычное после вчерашнего дня.

Завтра будет брифинг. Начнётся официальная подготовка. Будут новые знакомства, новые задачи, новые вызовы.

Но сегодня — сегодня был обычный день. День, когда он проверял инкубаторы, писал отчёт, гулял по парку.

День, когда он делал свою работу.

Потому что мечта не делает работу за тебя. Это он понял сегодня. По-настоящему понял.

Михаил отвернулся от окна и пошёл домой.

В каюте он долго стоял под душем — на этот раз почти до самого сигнала таймера, растягивая три минуты до предела.

Потом лёг на койку, включил планшет и открыл дневник.

«Тамарина сказала: мечта не делает работу за тебя.

Раньше я думал, что понимал это. Сегодня понял по-настоящему.

Терраформинг — это не сорок семь минут на мостике. Это тысячи дней, когда культура чуть темнее, чем должна быть, и ты должен заметить.»

Он сохранил запись, выключил планшет и закрыл глаза.

Глава 3. Четыре республики

Административный центр Республики Солнца занимал три уровня в самом сердце первого тора — там, где сходились главные транспортные артерии и где «небо» над головой было выше всего. Михаил стоял в очереди у окна регистрации, семнадцатый из двадцати трёх, и разглядывал потолок.

Потолок здесь был особенным. Не просто высоким — это было бы слишком просто. Он был прозрачным.

Точнее, казался прозрачным. На самом деле это была сложная система голографических панелей, создающая иллюзию открытого пространства. Сейчас, в середине утра, панели показывали голубое небо с редкими облаками — такое,

каким оно было на Земле, если верить записям. Облака медленно плыли, меняя форму, отбрасывая едва заметные тени на мраморный пол.

Михаил знал, что это иллюзия. Знал, что над этим «небом» — ещё триста метров конструкций, потом — внутренняя поверхность тора, потом — ось вращения, потом — другая сторона тора. Но всё равно что-то внутри откликлось на эту картинку. Какой-то древний инстинкт, записанный в генах за миллионы лет эволюции под настоящим небом.

— Следующий!

Голос вырвал его из созерцания. Очередь продвинулась. Шестнадцатый. Пятнадцатый. Четырнадцатый.

Михаил огляделся.

Административный центр был полон людей. Не толпа — на Арке не бывало толп в земном понимании, слишком мало пространства, — но постоянный поток. Люди приходили и уходили, занимали места в очередях, заполняли формы на терминалах, разговаривали с чиновниками за окнами. Обычная бюрократия обычного государства, втиснутого в металлический бублик посреди космоса.

На стенах висели гербы — не голографические, а настоящие, вышитые на ткани. Четыре герба четырёх секторов «Авроры».

Республика Солнца: золотое солнце на синем фоне, с расходящимися лучами. Символ знания, просвещения, науки.

Федерация Равнин: три зелёных колоса на коричневом поле. Символ плодородия, труда, основы жизни.

Корпоративный Анклав: серебряная шестерня на чёрном фоне, с искрой в центре. Символ промышленности, энергии, прогресса.

Вольные Порты: белый парус на тёмно-синем, почти чёрном поле. Символ торговли, путешествий, свободы.

Четыре герба. Четыре философии. Четыре способа жить в одном и том же корабле.

— Следующий!

Михаил понял, что это относится к нему. Он подошёл к окну.

Чиновник за стойкой был немолод — лет пятьдесят, может, больше. Усталое лицо, аккуратно подстриженная седая борода, глаза, которые смотрели на тебя и одновременно сквозь тебя. Глаза человека, который видел тысячи посетителей и давно перестал различать их.

— Имя, идентификатор, цель визита, — произнёс он монотонно, глядя в экран перед собой.

— Ларин, Михаил Александрович. 2826-RS-0472. Регистрация в программе терраформирования.

Пальцы чиновника пробежали по клавиатуре. Экран мигнул.

— А, новая команда. — В голосе появилась нотка интереса — первая за весь разговор. — Да, вижу вас в списке. Биоинженерия, Республика Солнца. Прошли квалификаци-

онное испытание... — он сверился с данными, — позавчера.
Результат: успешно. С рекомендацией.

— С рекомендацией? — переспросил Михаил.

— Так здесь написано. — Чиновник пожал плечами. — Я не знаю, что это значит. Просто регистрирую.

Он развернул к Михаилу небольшой экран.

— Подпишите здесь. И здесь. И здесь.

Михаил читал, пока подписывал. Согласие на участие в долгосрочной экспедиции за пределами Арка. Согласие на медицинский мониторинг на протяжении всего срока миссии. Согласие на ограничение связи с Арком после отлёта — сообщения будут идти месяцами, а то и годами. Согласие на подчинение командной структуре экспедиции. Согласие на...

Он перестал читать. Каждый пункт был формальностью. Каждая подпись — шагом к мечте. Он поставил последнюю закорючку и отодвинул экран обратно к чиновнику.

— Готово.

Чиновник проверил подписи, кивнул.

— Ваш статус обновлён. С сегодняшнего дня вы официально приписаны к Первой терраформинговой экспедиции, волна один. — Он поднял глаза от экрана и впервые посмотрел на Михаила по-настоящему. — Поздравляю.

— Спасибо.

— Не за что благодарить. Я просто нажимаю кнопки. — Пауза. — Но знаете... за сорок два года работы я зарегистрировал тысячи людей на сотни программ. Экспедиции к асте-

роидам, научные миссии, переселения между секторами. Но терраформинг — первый раз.

Михаил почувствовал, как что-то шевельнулось в груди.

— Мы — первая экспедиция в истории Арка.

— Первая, которая дошла до этой стадии, — поправил чиновник. Его голос стал тише. — Была попытка раньше. Лет восемьдесят назад, может, чуть больше. Не сработало.

— Что случилось?

Чиновник покачал головой.

— Не знаю подробностей. Это было до моего времени, да и записи... — он замялся, подбирая слово, — неполные. Но слухи ходили разные.

— Какие слухи?

Взгляд чиновника метнулся по сторонам — быстро, почти незаметно. Потом он снова посмотрел на Михаила.

— Разные. — Голос стал ещё тише. — Говорили, что была катастрофа. Что люди погибли. Что проект закрыли и засекретили. — Он пожал плечами. — Но это только слухи. Официально — проект просто не достиг финальной стадии из-за технических сложностей.

— А неофициально?

Чиновник выпрямился, и его лицо снова стало нейтральным — маска бюрократа, которую он носил сорок два года.

— Неофициально — это не моя область компетенции. — Он кивнул на очередь за спиной Михаила. — Следующий!

Михаил отошёл от окна, но мысль о неудавшейся экспе-

диции засела в голове, как заноза. Восемьдесят лет назад. Катастрофа. Погибшие. Засекреченные записи.

Почему он никогда об этом не слышал?

Путь в Федерацию Равнин занял почти час.

Сначала — радиальный лифт до транспортной оси первого тора. По мере подъёма гравитация падала: 0.9g, 0.7g, 0.5g. Желудок привычно сжимался, приспособляясь к меняющемуся весу. На оси гравитации почти не было — тело плавало в невесомости, цепляясь за поручни, пока лифтовая кабина стыковалась с транспортной капсулой.

Потом — горизонтальный перелёт вдоль центральной фермы.

Ферма соединяла все четыре тора «Авроры» — гигантский стержень длиной в сорок пять километров, вдоль которого тянулись трубы, кабели, транспортные туннели. В невесомости капсула двигалась быстро — почти триста километров в час, — но путь всё равно занимал время. Михаил смотрел в окно на проплывающие мимо конструкции: опоры, фермы, стыковочные узлы. Всё это было построено руками людей — не этих людей, не его поколения, но всё равно людей. Сотни лет назад кто-то спроектировал эти балки, кто-то сварил эти швы, кто-то проложил эти кабели. И теперь два миллиона человек жили внутри этой конструкции, даже не задумываясь о тех, кто её создал.

Наконец — снова радиальный лифт, теперь вниз, во вто-

рой тор. Федерация Равнин.

Гравитация возвращалась: 0.3g, 0.5g, 0.7g. Тело тяжелело, ноги снова чувствовали опору.

Двери лифта открылись — и Михаил почувствовал это раньше, чем увидел.

Запах.

Земля. Перегной. Влажная зелень. Что-то цветущее — он не знал что, но запах был сладковатым, насыщенным, живым.

Он вышел из лифта и остановился, вдыхая.

Федерация Равнин была другой.

Не просто другим сектором — другим миром. Коридоры здесь были шире, потолки — ниже, но это не создавало ощущения тесноты. Наоборот. Низкий потолок был покрыт панелями, имитирующими небо — голубое, с редкими облаками, как в административном центре, но здесь иллюзия была убедительнее. Может, потому что стены были не серыми, а коричневатыми, с текстурой, похожей на глину или камень. Может, потому что вдоль стен росли живые растения — не в горшках, а прямо из специальных ниш: вьюнки, папоротники, какие-то кустарники с мелкими цветами.

Михаил шёл по указателям к сельскохозяйственному комплексу «Урожай-6».

Люди вокруг были другими. Не то чтобы внешне — комбинезоны коричневые вместо серо-зелёных, но лица такие же, как везде. Но что-то в их движениях, в том, как они здо-

ровались друг с другом, как останавливались поболтать посреди коридора, было... свободнее? Расслабленнее?

В Республике Солнца люди ходили быстро, смотрели в планшеты, думали о работе. Здесь — никуда не спешили.

Он прошёл мимо открытого пространства — что-то вроде площади, только под крышей. В центре был фонтан — настоящий, с водой, которая била вверх и падала обратно с мягким плеском. Вокруг фонтана стояли скамейки, и на них сидели люди: ели, разговаривали, просто смотрели на воду.

Фонтан. Трата воды ради эстетики. В Республике Солнца такое было бы немыслимо.

Михаил остановился на секунду, глядя на воду. Потом пошёл дальше.

Комплекс «Урожай-6» оказался не зданием, а целым районом — лабиринт коридоров, ангаров, теплиц, соединённых переходами. На входе Михаила встретил терминал.

«Цель визита?» — спросил экран.

«Получение образцов для экспедиции терраформирования», — набрал Михаил.

Пауза. Потом: «Пропуск выдан. Проследуйте в секцию Г-4, хранилище генофонда. Вас встретят».

Секция Г-4 находилась глубоко внутри комплекса. Михаил шёл по коридорам, и вокруг него разворачивалось то, что он видел только на голограммах: вертикальные фермы.

Это были не просто «грядки в несколько этажей». Это были башни — уходящие вверх на десятки, может, сотни мет-

ров. Стеллажи с растениями, расположенные ярус за ярусом, освещённые искусственным светом — не тёплым жёлтым, как в жилых секторах, а холодным белым, с розоватым оттенком. Оптимальный спектр для фотосинтеза.

На каждом ярусе — своя культура. Он узнал некоторые: салат, томаты, огурцы — стандартный набор гидропонных овощей. Другие были незнакомы: странные листья, необычные формы, цвета, которых он не видел в столовой Республики Солнца.

Воздух здесь был влажным, тёплым, насыщенным запахом растений. Михаил чувствовал, как он оседает на коже — тонкая плёнка влаги, приятная, живая.

— Ларин?

Голос раздался откуда-то сбоку. Михаил обернулся.

Женщина вышла из-за угла так, словно была частью этого места — органичной, естественной. Лет сорок — сорок пять, крепкого телосложения, с обветренным лицом и руками, перепачканными в чём-то коричневом. Земля? Субстрат? Удобрение? Михаил не мог сказать.

— Да, — ответил он. — Я за образцами.

— Знаю. Мне сообщили. — Она вытерла руки о фартук — не очень успешно. — Мария Зубарева, агроном комплекса. Пойдём, покажу хранилище.

Она развернулась и пошла, не дожидаясь ответа. Михаил поспешил за ней.

— Значит, вы из тех, кто летит? — спросила Зубарева на

ходу.

— Из тех.

— И будете там, на планете... что делать? Разбрасывать семена?

— В упрощённом виде — да.

Она хмыкнула. Звук был не одобрительным и не осуждающим — скорее скептическим.

— Знаете, сколько времени нужно, чтобы вырастить одно дерево?

— Зависит от вида. От десяти до пятидесяти лет для большинства.

— А чтобы вырастить лес?

Михаил задумался.

— Сотни лет. Может, тысячи, если считать полноценную экосистему.

— Вот именно. — Зубарева свернула в боковой коридор. — Я тридцать лет работаю здесь. Тридцать лет выращиваю еду для двух миллионов человек. И каждый день что-то идёт не так. Болезнь. Вредитель. Сбой в системе полива. Мутация, которую никто не ожидал. Человеческая ошибка.

Она остановилась у двери с красной маркировкой и повернулась к нему.

— Мы контролируем всё: температуру, влажность, свет, состав почвы, генетику растений. Каждый параметр под наблюдением. И всё равно — каждый божий день что-то ломается. — Она смотрела ему в глаза. — А вы собираетесь де-

лать то же самое, только без контроля. На планете, где никто никогда не был. С организмами, которые никто никогда не тестировал в реальных условиях.

— Мы готовимся, — сказал Михаил. — Моделируем. Тестируем.

— В лаборатории.

— Да.

— Лаборатория — это не планета. — Зубарева покачала головой. — Я не говорю, что вы не справитесь. Может, справитесь. Но вы должны понимать, во что ввязываетесь.

— Я понимаю.

— Нет. — Она почти улыбнулась — но не совсем. — Пока не понимаете. Поймёте, когда окажетесь там.

Она приложила ладонь к сканеру на двери. Замок щёлкнул.

— Пойдём. Покажу вам нашу библиотеку.

Хранилище генофонда было холодным.

Минус двадцать — Михаил увидел цифру на табло у входа раньше, чем почувствовал холод. Зубарева протянула ему термокуртку из шкафчика у двери.

— Надевай. Там проведём минут двадцать минимум.

Он надел куртку — толстую, тяжёлую, с капюшоном — и вошёл.

Помещение было небольшим — может, шестьдесят квадратных метров. Но каждый сантиметр использовался. Стены от пола до потолка покрывали ящики: металлические кон-

тейнеры, каждый размером с книгу, с маркировкой и номером. Между рядами — узкие проходы, едва достаточные для одного человека.

Михаил остановился, глядя на это.

Ящики. Тысячи ящиков. Каждый — хранилище жизни.

— Тридцать одна тысяча двести семнадцать образцов, — сказала Зубарева, вставая рядом. — На сегодняшний день. Завтра может быть больше — или меньше, если что-то спишем.

— Что здесь?

— Всё. — Она обвела рукой помещение. — Семена растений. Споры грибов. Культуры микроорганизмов. Генетический материал животных — не живые эмбрионы, но ДНК, которую можно использовать для клонирования. Всё, что мы смогли сохранить с Земли. И всё, что вывели за время полёта.

Михаил подошёл к ближайшему ряду и прочитал маркировку на первом ящике: «*Triticum aestivum*, var. 'Stellar-9', адапт. к пониж. гравит., урожайн. +23% vs станд.»

Пшеница. Модифицированная для условий Арка.

Следующий ящик: «*Solanum lycopersicum*, var. 'Compact Red', карлик. форма, цикл 68 дней».

Томат. Компактный, быстрорастущий.

Ещё один: «*Chlorella vulgaris*, штамм CV-12, повыш. сод. белка, устойч. к UV-B».

Водоросль. Источник протеина. Устойчивая к ультрафи-

олету.

— Как давно это собирается? — спросил Михаил.

— С самого начала. — Зубарева прислонилась к стене, скрестив руки. — С момента, когда Арк покинул Солнечную систему. Основатели понимали: мы везём не просто людей. Мы везём биосферу. Или, по крайней мере, её семена.

— Тридцать тысяч видов...

— Это малая часть того, что было на Земле. Там были миллионы видов. Мы взяли то, что смогли, то, что казалось важным. Сельскохозяйственные культуры. Деревья для парков. Микроорганизмы для очистки воды и переработки отходов. Кое-что — просто потому, что оно красивое. Цветы. Бабочки. — Она пожала плечами. — Не всё выжило. Часть материала деградировала за сто лет. Часть оказалась бесполезной. Но то, что осталось, — это наше наследие.

Михаил молчал, глядя на ряды ящиков. Каждый — потенциальный лес, поле, сад. Каждый — часть будущего, которое они собирались построить.

— Как выбирать, что взять? — спросил он наконец.

— Не ты выбираешь. Ты составляешь список, основываясь на данных о планете. Климат, почва, атмосфера. Потом список проверяют эксперты. Потом — финальное утверждение. — Она кивнула на терминал в углу помещения. — Там база данных. Каждый образец описан: требования к условиям, совместимость с другими видами, история использования. Изучи, составь предварительный список. Я проверю.

— Сколько у меня времени?

— Неделя. Может, десять дней. — Она посмотрела на него. — Но не торопись. Лучше сделать правильно, чем быстро.

Михаил кивнул и подошёл к терминалу.

База данных была огромной. Тридцать одна тысяча записей, каждая — с десятками полей: название, классификация, генетические модификации, условия хранения, условия роста, история экспериментов, совместимость с другими видами, рекомендации по использованию...

Он начал с фильтров. Температура: -40 до +30°C. Давление: 0.3-1.0 атм. Устойчивость к UV: высокая. Совместимость с примитивными почвами: да.

Список сократился до четырёх тысяч записей.

Всё ещё слишком много.

Михаил добавил фильтр: «Рекомендовано для терраформинга».

Осталось триста сорок семь.

Он начал просматривать.

Два часа спустя Михаил вышел из хранилища с гудящей головой и предварительным списком из ста двадцати видов.

Зубарева ждала его снаружи — с двумя чашками чего-то горячего.

— Чай, — сказала она, протягивая одну чашку. — Настоящий, не синтетический. Выращен здесь, в комплексе.

Михаил взял чашку и отпил. Вкус был... другим. Не таким, как в столовой Республики. Богаче, глубже, с какими-то нотами, которые он не мог определить.

— Спасибо.

— Не за что. — Зубарева отпила из своей чашки. — Как список?

— Предварительный. Сто двадцать видов. Нужно обсудить с командой, уточнить приоритеты.

— Уточнишь. — Она помолчала. — Знаешь, я скептически отношусь к вашей затее. Не скрою.

— Почему?

— Потому что я тридцать лет выращиваю еду и знаю, как всё хрупко. Как легко что-то идёт не так. Как много факторов нужно учесть. — Она посмотрела ему в глаза. — И вы летите туда, где факторов в тысячи раз больше, а контроля — в тысячи раз меньше.

— Мы понимаем риски.

— Может быть. — Она пожала плечами. — Но я скептик не потому, что думаю, будто вы не справитесь. Я скептик потому, что не люблю терять людей.

— Терять?

— Вы улетите и не вернётесь. Для нас — для тех, кто останется на Арке — вы исчезнете. Будем получать ваши сообщения годами позже, читать отчёты о людях, которых мы знали, но которых больше нет рядом. — Она отвела взгляд. — Это... просто.

Михаил молчал. Он не думал об этом так. Для него отлёт был приключением, мечтой, целью жизни. Но для тех, кто оставался...

— Я напишу, — сказал он. — Буду отправлять сообщения. Рассказывать, как идут дела.

— Знаю. — Зубарева допила чай. — Все так говорят. И первые годы — пишут. Потом... жизнь затягивает. Новые заботы, новые проблемы. Связь становится реже. А потом однажды понимаешь, что последнее сообщение было два года назад, и ты даже не помнишь, о чём оно было.

Она встала и забрала у него пустую чашку.

— Ладно. Философия подождёт. У тебя есть предварительный список. Иди, обсуждай с командой. Когда будет финальная версия — пришли мне. Я подготовлю образцы.

— Спасибо, — сказал Михаил. — За всё. За хранилище. За чай. За... честность.

Зубарева почти улыбнулась.

— Удачи тебе там. Правда.

На обратном пути Михаил сделал пересадку в Вольных Портах.

Он не планировал задерживаться — просто транспортная капсула шла с пересадкой, и у него было сорок минут до следующего рейса. Но когда двери лифта открылись на станции четвёртого тора, он понял, что не может просто сидеть и ждать.

Вольные Порты были шумными.

Это было первое, что бросалось в уши. Не тишина коридоров Республики, не мягкий гул ферм Федерации — шум. Голоса, музыка, стук, лязг, смех. Всё смешивалось в какофонию, которая должна была раздражать, но почему-то... не раздражала.

Михаил вышел из лифтовой станции и оказался на чём-то, что здесь называли «улицей».

Это был широкий коридор — шире, чем где-либо на Арке, — по обе стороны которого теснились... Михаил не знал, как это назвать. Лавки? Магазины? Палатки? Какие-то конструкции из ткани и пластика, внутри которых люди что-то продавали, что-то покупали, о чём-то торговались.

Он шёл, глядя по сторонам.

Продавец справа — толстяк с рыжей бородой — зазывал покупателей на каком-то гортанном наречии, которое Михаил не сразу опознал как искажённый общий язык. Слева — женщина в ярком платье раскладывала на прилавке украшения: серьги, браслеты, ожерелья из чего-то блестящего.

Впереди — группа подростков хохотала над чем-то на экране планшета.

Позади — кто-то громко спорил о цене.

Запахи: еда (что-то жареное, что-то острое), пот, машинное масло, что-то сладкое (выпечка?), что-то горькое (настоящий кофе? на Арке был натуральный кофе?).

Михаил чувствовал себя чужим. Не потому что на него

смотрели — никто не смотрел, всем было всё равно, — а потому что он не понимал правил. В Республике Солнца он знал, как себя вести: тихо, сосредоточенно, по делу. Здесь правила были другими, и он их не знал.

Он остановился у одной из палаток — просто чтобы передохнуть, собраться с мыслями.

— Эй, учёный!

Голос был адресован ему. Михаил обернулся.

Толстяк с рыжей бородой — тот самый, который зазывал покупателей — смотрел на него с ухмылкой.

— Откуда знаешь, что я учёный? — спросил Михаил.

— Комбинезон. — Толстяк указал на нашивку. — Серо-зелёный, эмблема биосектора. Плюс ты единственный на этой улице, кто стоит и озирается, вместо того чтобы знать, куда идёшь. Местные так не делают.

— Наблюдательно.

— Профессия такая. — Толстяк ухмыльнулся ещё шире. — Что ищешь? Еда? Одежда? Развлечения? У меня всё есть.

Михаил заглянул в палатку. Там было... всё. Одежда, электроника, какие-то безделушки, еда в контейнерах, книги (настоящие, бумажные!), инструменты, украшения.

— Откуда это всё? — спросил он.

— Отовсюду. — Толстяк пожал плечами. — Делаем, меняем, покупаем, продаём. Вольные Порты — это перекрёсток. Всё, что движется между секторами, проходит через нас.

— Это легально?

— Смотря что называть легальным. — Улыбка толстяка стала хитрее. — Если ты из службы безопасности — всё легально. Если покупатель — могу рассказать нюансы.

— Я не из службы.

— Знаю. Служба не носит комбинезоны биосектора. — Он подмигнул. — Так что хочешь?

Михаил помедлил. Потом сказал:

— Ничего. Просто смотрю.

— Смотреть — бесплатно. — Толстяк отступил, освобождая проход. — Но если надумаешь — ты знаешь, где меня найти.

Михаил кивнул и пошёл дальше.

Он бродил по «улице» ещё двадцать минут, просто впитывая. Шум, запахи, лица. Здесь были люди всех возрастов, всех типов. Комбинезоны всех цветов — и Республики, и Федерации, и Анклава, и, конечно, Портов. Все смешивались, все разговаривали, все торговались.

Это было... живо. По-другому живо, чем Федерация Равнин с её растениями. Это была живость человеческая — хаотичная, шумная, непредсказуемая.

Михаил понял, что улыбается.

Не его мир. Совсем не его мир. Но он был рад, что этот мир существует.

Михаил вернулся в Республику Солнца к вечеру.

В каюте было тихо и темно — потолочные панели перешли в ночной режим, пока его не было. Михаил включил мягкий свет, сел на койку и достал планшет.

Он получил сообщение от матери: «Гордимся тобой. Папа не говорит вслух, но я вижу. Приезжай, когда сможешь».

Михаил ответил: «Скоро. После того, как всё уляжется».

Он знал, что «скоро» растянется на недели. Так всегда было — работа поглощала, время исчезало. Но перед отлётом — обязательно.

А теперь время рефлексии.

Дневник.

«Чиновник в регистратуре упомянул старую экспедицию. Восемьдесят лет назад. Провалившуюся. Засекреченную. Нужно узнать больше.

Зубарева из Федерации сказала: для тех, кто остаётся, мы — потеря, а не победа.

В хранилище — 31 217 образцов. Библиотека жизни. 120 видов в моём предварительном списке. Нужно обсудить с командой.»

Он сохранил запись и выключил планшет.

Глава 4. Команда

Конференц-зал располагался в административном крыле Республики Солнца — там же, где Михаил регистрировался два дня назад, только несколькими уровнями выше. Здесь обычно проходили заседания Совета сектора, встречи с делегациями из других торов, важные церемонии. Михаил никогда раньше не бывал внутри — студентам и младшим научным сотрудникам вход был закрыт.

Теперь, видимо, он перестал быть «младшим».

Зал оказался больше, чем он ожидал. Полукруглый амфитеатр со ступенчатыми рядами кресел, спускающимися к центральной площадке. Потолок — высокий, куполообразный, покрытый голографическими панелями. Сейчас панели показывали звёздное небо — не имитацию земного неба, а настоящий космос: чёрный, бесконечный, усыпанный точками света.

На передней стене, за центральной площадкой, светилась эмблема экспедиции: схематичное изображение планеты, на которой проросло дерево. Простой символ. Понятный. Может быть, даже наивный — но Михаил почувствовал, как что-то шевельнулось в груди, когда увидел его.

Зал был уже почти полон.

Михаил остановился у входа, оглядывая ряды. Около ста человек — может, чуть больше. Разные возрасты, разные

комбинезоны. Серо-зелёные биологического сектора, как у него. Синие — инженерные. Белые — медицинские. Коричневые — сельскохозяйственные. Даже несколько оранжевых — техническое обслуживание.

И нашивки на плечах: золотое солнце Республики, зелёные колосья Федерации, серебряная шестерня Анклава, белый парус Портов. Все четыре сектора.

Это была не просто команда. Это был срез всего Арка — или, по крайней мере, всей «Авроры».

— Ларин!

Голос был знакомым. Михаил повернулся.

Кирилл махал ему с середины зала, указывая на свободное место рядом с собой. Широкая улыбка, растрёпанные волосы — как всегда.

Михаил пробрался между рядами и сел.

— Опаздываешь, — сказал Кирилл.

Михаил посмотрел на часы.

— Ещё три минуты до начала.

— По меркам Северова — опаздываешь. Он, говорят, приходит за полчаса.

— Откуда ты знаешь?

— Слухи. — Кирилл пожал плечами. — Половина людей здесь работала с ним раньше. Истории рассказывают.

— Какие истории?

— Разные. Что он никогда не повышает голос. Что он помнит имена всех, с кем когда-либо работал. Что он однажды

не спал трое суток во время аварии на «Терре», потому что координировал спасательную операцию. — Кирилл понизил голос. — И что он никогда ничего не забывает. Особенно ошибки.

Михаил вспомнил своё испытание. «Вон отсюда!» — собственный крик, адресованный капитану. Взгляд Северова после — холодный, оценивающий.

— Успокоил, — сказал он.

— Я не успокаивал, а по-дружески обратил твоё внимание на важный для тебя факт.

Прежде чем Михаил успел ответить, шум в зале стих. Не по команде — просто люди перестали разговаривать, один за другим, как волна, прокатившаяся по рядам.

Михаил посмотрел на центральную площадку.

Капитан Северов вышел из боковой двери.

Он двигался так, как двигаются люди, привыкшие командовать. Не быстро, не медленно — размеренно. Каждый шаг точен, каждое движение экономно. Никакой суеты, никакой неуверенности.

Михаил разглядывал его, пытаясь понять, что изменилось с момента испытания. Ничего. Те же коротко стриженные седые волосы. То же лицо, словно вырубленное из камня. Те же серые глаза — холодные, внимательные.

Северов вышел на центр площадки и остановился. Несколько секунд он просто стоял, оглядывая зал — медленно, внимательно, словно запоминая каждое лицо.

Потом заговорил.

— Доброе утро.

Голос был негромким — но слышался отчётливо в каждом углу зала. Акустика? Или просто умение говорить так, чтобы слушали?

— Меня зовут Дмитрий Северов. Для тех, кто не знает — я отвечаю за формирование и подготовку экспедиции. Для тех, кто знает — я тот самый Северов, про которого рассказывают страшные истории.

По залу прошёл смешок — негромкий, неуверенный. Михаил заметил, что Северов не улыбнулся.

— Вы здесь, — продолжал капитан, — потому что прошли отбор. Каждый из вас доказал свою компетентность — экзаменами, опытом работы, рекомендациями. Кто-то — особыми испытаниями.

Михаилу показалось, что взгляд Северова на мгновение остановился на нём. Или это была паранойя?

— Но компетентность — это только начало. Вы можете быть лучшими специалистами в своих областях. Это не гарантирует, что вы справитесь с тем, что вас ждёт.

Пауза. Северов снова обвёл взглядом зал.

— Через месяц вы покинете Арк. Большинство из вас никогда не вернётся. Это не угроза, не драматизация — это факт. Расстояние, которое нас разделит, сделает возвращение практически невозможным. Вы будете получать сообщения с Арка — с задержкой в месяцы, потом в годы. Вы буде-

те отправлять отчёты — и не знать, дошли ли они. Вы будете жить и умирать там, на орбите чужой планеты, вдали от всего, что знали.

Тишина в зале стала плотнее. Михаил почувствовал, как кто-то рядом — не Кирилл, кто-то за спиной — шумно выдохнул.

— Я говорю это не для того, чтобы вас напугать, — продолжал Северов. — Я говорю это для того, чтобы вы понимали, на что соглашаетесь. Ещё не поздно передумать. Если кто-то чувствует, что не готов — дверь открыта. Никто не осудит. Никто не запомнит. Лучше уйти сейчас, чем стать проблемой потом.

Он замолчал, глядя на зал.

Никто не встал.

Северов кивнул — едва заметно, почти для себя.

— Хорошо. Поговорим о том, зачем мы здесь.

Следующие полчаса Северов говорил о миссии.

Не о технических деталях — для этого будут другие брифинги. О смысле.

— Вы будете первыми, — сказал он. — Первой командой в истории Арка, которая высадится на планету с целью терраформирования. Первыми, кто начнёт создавать новый мир. И первыми, кто столкнётся со всем, что это означает.

Он говорил о масштабе задачи: пятьсот лет, может больше. О том, что они не увидят результата своей работы — но их потомки увидят. О том, что каждое решение, которое они

примут, будет иметь последствия на века вперёд.

— Ошибка в расчётах атмосферы — и через двести лет планета станет непригодной для жизни. Неправильно подобранный штамм бактерий — и через сто лет экосистема коллапсирует. Мы не можем позволить себе роскошь учиться на ошибках методом проб и ошибок. Мы должны сделать правильно с первого раза.

Михаил слушал и чувствовал, как тяжесть ответственности ложится на плечи — почти физически. Он знал всё это раньше, в теории. Но одно дело — знать. Другое — слышать от человека, который будет командовать экспедицией.

— И последнее, — сказал Северов. — О команде.

Он обвёл взглядом зал в последний раз.

— Вы — сто двадцать человек. Двенадцать рабочих групп. Биологи, инженеры, климатологи, геологи, медики, логисты. У каждого — своя специализация, свои задачи. Но там, на орбите, вы будете не просто коллегами. Вы будете зависеть друг от друга. Каждый день. Каждую минуту. Если биолог ошибётся — инженерам придётся компенсировать. Если инженер ошибётся — медикам придётся спасать. Мы — система. И система работает только тогда, когда все её части работают вместе.

Он помолчал.

— Следующие тридцать дней вы будете не только готовиться технически. Вы будете учиться работать друг с другом. Узнавать друг друга. Доверять друг другу. Потому что

там, — он указал вверх, в направлении потолка, звёзд, космоса, — там доверие — это не абстракция. Это то, что будет отделять вас от смерти.

Пауза.

— Вопросы?

Тишина.

Северов кивнул.

— Хорошо. Тогда начнём.

После общего брифинга команду разбили на группы.

Михаил нашёл свою — «Биосфера-1» — в дальнем углу зала, у голографической панели с надписью «Первичное засеивание». Здесь уже собралось девять человек. Десятой была доктор Тамарина — она стояла чуть в стороне, скрестив руки на груди, и наблюдала, как люди знакомятся.

Михаил подошёл.

— Ларин, — сказала Тамарина, не здороваясь. — Ты знаком с командой?

— Частично. С некоторыми работал раньше.

— Тогда познакомься с остальными. У вас пять минут.

Она отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Михаил огляделся. Восемь человек. Он узнал троих: Сергей Павлов, лаборант из их отдела, и двое биологов из смежных лабораторий. Пятеро остальных были незнакомцами.

Он подошёл к ближайшей незнакомой фигуре — девушке лет двадцати пяти с рыжими волосами, заплетёнными в косу.

— Михаил Ларин, — представился он. — Биоинженерия, штаммы экстремофилов.

— Инга Соренсен, — ответила она. — Микробиология. Федерация Равнин. — Она улыбнулась. — Ты тот, который рывкнул на Северова, да?

Михаил вздохнул.

— Это теперь моя официальная характеристика?

— Пока — да. — Её улыбка стала шире. — Не переживай. Через неделю кто-нибудь сделает что-нибудь глупее, и про тебя забудут.

— Утешает.

— Я стараюсь.

Следующим оказался мужчина лет тридцати с азиатскими чертами лица и серьёзным выражением.

— Такеши Ямамото. Генетика. Корпоративный Анклав.

— Михаил Ларин.

— Я знаю. — Такеши кивнул. — Читал твои публикации по модификации цианобактерий. Интересный подход к репарации ДНК.

— Спасибо.

— Это не комплимент. Это констатация факта. — Он чуть наклонил голову. — У меня есть вопросы по методологии. Обсудим позже?

— Конечно.

Дальше — женщина лет сорока, невысокая, с короткими тёмными волосами и цепким взглядом.

— Ольга Петренко. Экология. Республика Солнца. Мы, кажется, пересекались на конференции в прошлом году.

— Возможно, — сказал Михаил, хотя не помнил. — Рад познакомиться заново.

— Взаимно.

Ещё двое: Эмиль Дюбуа (почвоведение, Вольные Порты) — худой, с нервными движениями и привычкой теребить манжету комбинезона. И Анна Линдгрэн (биохимия, Федерация Равнин) — спокойная блондинка, которая больше слушала, чем говорила.

Плюс трое, которых он уже знал: Сергей, Виктор, Марина. Десять человек. Его команда.

— Внимание, — голос Тамариной разрезал гул разговоров. — Знакомство окончено. Переходим к делу.

Тамарина активировала голографическую панель. В воздухе возникла модель планеты — медленно вращающийся шар с цветовыми отметками.

— Это наша цель, — сказала она. — Пока без имени. Просто «планета-кандидат» или, в документах, «Объект Т-1». Данные зондов, которые вы видите, получены за последние пятьдесят лет наблюдений.

Она указала на северное полушарие.

— Полярные шапки. Водяной лёд с примесью углекислого газа и аммиачных соединений. Экваториальный пояс — скальные породы, минимальная атмосфера. Средняя температура поверхности — минус сорок. Атмосферное давление

— около трёх процентов от земного стандарта.

Михаил смотрел на модель. Всё это он знал — изучал данные месяцами. Но видеть планету вот так, в голографии, в окружении людей, с которыми он будет работать...

— Ваша задача, — продолжала Тамарина, — разработать план первичного засеивания северного полушария. Какие организмы, в какой последовательности, в каких локациях. Срок — две недели.

— Две недели? — переспросил Эмиль. — Это... амбициозно.

— Это минимум. — Тамарина посмотрела на него. — У нас тридцать дней до отлёта. За это время нужно разработать планы для всех фаз терраформинга, провести финальные тесты, подготовить оборудование, обучить персонал. Две недели на предварительный план — это роскошь.

Эмиль не ответил, но Михаил заметил, как он снова потерел манжету.

— Разделитесь на пары, — сказала Тамарина. — Каждая пара работает над своим участком. Координация — через меня и Ларина.

Михаил моргнул.

— Через меня?

— Ты — мой заместитель. — Тамарина посмотрела на него. — Я же говорила.

— Вы говорили... но я думал...

— Что это формальность? — Она почти улыбнулась. По-

чти. — Нет. Это работа. Твоя работа — следить за тем, чтобы команда работала как команда. Разрешать конфликты. Отвечать на вопросы, когда меня нет. Принимать решения, когда нет времени ждать моего одобрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.